Глава 122.

У Рустрама всегда были одинаковые ощущения перед боем: сухость во рту, полный мочевой пузырь и стекающий ручьями пот вне зависимости от погоды. Облизав губы, он подавил желание выпить, пытаясь сосредоточиться на задании. Стиснув свою рапиру, которая всё ещё была в ножнах, он провёл пальцем по затейливым узорам, выгравированным на эфесе. Этот клинок был прекрасным образцом мастерской работы, который он не заслужил, как и своё звание. Он был лишь доверчивым парнем, не умеющим рассуждать, Босс слишком верил в него, но, по крайней мере, у него было это оружие. Если он умрёт сегодня, то рапиру передадут кому-то более достойному, тому, кто не был полным неудачником.

Частью проблемы был Босс, который шёл впереди всех, бросаясь в гущу боя. В этом был смысл, но тогда все внутренние обязанности ложились на Рустрама. Например, поддерживать спокойствие среди солдат во время ожидания, приказывать идти в бой или отступить, менять расстановку сил, и всяческие другие тактические решения, которые он не имел права принимать. Он занимался логистикой и поставкой припасов и плохо подходил для командования.

С Боссом была другая ситуация, он был прирождённым лидером. Он отправился вместе с несколькими подобранными им людьми, неся с собой огромные мотки верёвок, собираясь спуститься по ним в долину и застать часовых врасплох. Даже с экспертами вроде Сумилы и Ли Сун это было непросто, но с ними был сам Босс, который трудился изо всех сил, чтобы сохранить своих солдат живыми, составляя безумные планы и тактики. Попросить городских жителей подкрасться к наёмникам в лесу было трудной задачей, и Рустраму не разделял оптимизма босса, но попробовать стоило.

Никто не хотел подвести Босса после всего, что он для них сделал, обучая их и помогая их родителям найти хорошо оплачиваемую работу, не беря ничего взамен. Он работал усерднее, чем любые два других солдата, занимаясь даже тогда, когда они пили и отдыхали, как его можно было не любить? Каждый солдат был готов умереть за Босса, но он презирал смерть, приказывая им жить, за таким человеком стоило идти. Им всем нужно было усерднее трудиться, чтобы не быть для него обузой.

Мысленно пройдясь по списку того, что нужно было сделать, он успокоился и оглядел солдат. Своих солдат, эта мысль казалась ему странной. Готовый стрелять Салук сидел со своим арбалетом, нежно поглаживая его и неслышно бормоча ему что-то, словно любовнице. Расслабленный и беспечный Равил сидел с закрытыми глаза и вертел в пальцах стрелу, спокойный как всегда. Выбранные для миссии солдаты стискивали ручки вёдер так, словно в них лежали хрупкие яйца. В глазах парней жило беспокойство, но Босс был прав, они были готовы к любым неожиданностям. Молясь за успех, но готовясь к поражению, Рустрам наблюдал, слушал и ждал — пытка для каждого солдата. Сражаться в бою или ждать начала боя — Рустрам не мог сказать точно, что из этого хуже.

Возможно, он совсем скоро узнает ответ.

Бесшумно шагая по лесу, Булат выровнял дыхание, стараясь слиться со окружением. Его сердцебиение звучало как барабанная дробь, оглушавшая уши, и он опасался, что часовые услышат его приближение уже за километр. Или учуют его; рубашка парня промокла насквозь, несмотря на холод, и запах его тела перебивал ароматы леса. Он раньше никогда этого не замечал, вплоть до прошлой ночи, когда он сломя голову бросился поприветствовать Дей Ан после тренировки, не приняв ни душа, ни ванны, и улыбаясь как идиот. Он был покрыт грязью и кровью, и от него исходила острая вонь, просто чудо, что она вообще с ним

заговорила. Смуглая, с волосами цвета воронова крыла, она обладала хриплым смехом и неистовым характером, чем заметно отличалась от городских девчонок, робких и скромных. Нет, только не Дей Ан, она была уверенной и смелой, любила открыто посмеяться над тем, как он застенчиво бормочет приветствие, после чего приказывала ему выйти и попробовать снова, и, чёрт возьми, он так и делал, готовый на что угодно, лишь бы поговорить с ней, послушать её ангельский голос, потеряться в её прекрасных глазах.

Или он может потерять свою жизнь здесь. Глупый дурак, у старины Булата не будет свадьбы, только похороны, где все будут смеяться над его бессмысленной смертью. Выровняв дыхание во второй раз, он вспомнил всё, чему научился на тренировках, и сосредоточился на задании. Колени согнуты, шагать с пятки на носок по траве и земле, стараться обходить ветки, продвигаясь медленно и методично. Заметив свою цель лишь в тридцати шагах, он замер на месте и задержал дыхание, опасаясь, что его обнаружат. Он рассмотрел часового, огромного брислбора, прислонившегося к тонкому деревцу и рассеянного после месяцев спокойствия. Крупный и широкий, он был одет в кожу и покрыт сухими листьями — бесполезная маскировка среди весенней зелени. Дилентант.

Медленно выдохнув, Булат решительно пошёл вперёд тихими и размеренными шагами, сжимая в руке длинный нож. Брислборов было слишком мало, чтобы представлять угрозу для Стражей, и они были не лучше животных, явившись сюда, чтобы насиловать и грабить, осмеливаясь нарушать мирную безмятежность его нового дома. К несчастью для них, убийство животных было его вторым призванием, ведь он вырос на ферме. Ему не было нужно красочное духовное оружие, нет, быстрого удара и острого лезвия ему было вполне достаточно.

Низкий свистящий звук пускаемого шептуна едва не заставил его сердце выпрыгнуть из груди, и он замер во время шага. Звук тянулся, казалось, целую вечность, после чего приобрёл влажный и хилый тон, сопровождаемый глухой усмешкой и тошнотворным запахом. Глаза Булата расширились, он медленно повернул голову влево на напряжённой шее и заметил второго часового брислбора буквально на расстоянии вытянутой руки. Его изначальная цель, находившаяся прямо перед ним, рассмеялась и повернулась, чтобы поздравить своего товарища. Увидев Булата, часовой был потрясён так, что совершенно отупел, непонимающе моргнул и открыл рот, чтобы сказать что-то.

Сорвавшись с места, Булат воткнул нож глубоко в шею страдавшего от газов часового, так и оставив его там. Бросившись вперёд, он выхватил свою тяжёлую булаву, когда второй часовой предупреждающе закричал, нашаривая своё оружие и пытаясь подняться на ноги. Булат встретил его ударом булавы, которую он держал двумя руками. Второй часовой упал у его ног с влажным треском, подпрыгнув на твёрдой земле. Второй удар довершил начатое. Надо же быть настолько слепым неудачником, чтобы так облажаться. Раздались новые предупреждающие крики других часовых, но их голоса резко оборвались, когда с ними было покончено. Поскольку элемент внезапности был утерян, Булат отвернулся, собираясь уходить, потому что понимал, что сейчас лучше всего будет отступить.

- Стражи! В атаку! — пронёсся над долиной надтреснутый голос Босса, попытавшегося властно прорычать эти слова. За ними последовали тихие проклятия и повторяющийся призыв взять в руки оружие. Заметив движение, Булат побежал за ними и присоединился к Боссу, после чего они бросились к входу в пещеру с дьявольской усмешкой в предвкушении очередного кровопролития. Ну и что, что их там ждали? Это лишь означало, что их врагам придётся смотреть смерти в глаза. Если Босс хочет сражаться, тогда старина Булат будет драться бок о бок с ним не покладая рук.

К тому же, теперь ему будет что рассказать Дей Ан за ужином, он поведает ей о том, как он

сражался с врагами Человечества, может, даже о том, как он героически спас Босса, или что-то в этом роде. Будь то город или деревня, женщины любили героев везде.

Всё, что ему было нужно, это выжить, но небольшое ранение ему бы не помешало. Женщины любят шрамы.

Услышав приказ о наступлении, Равил сдавил ногами бока своего скакуна и вызывающе крикнул. В ответ на его команду Джинкс прыгнула вперёд, и сердце Равила поднялось к горлу, пока он нёсся вниз по крутому спуску. Юноша маниакально смеялся навстречу ветру. За ним последовали остальные члены отряда, и Рустрам кровожадно заорал, когда они бросились вперёд. Чёрт, этот нервный богатенький ублюдок был среди них настоящим головорезом. После месяцев мучительных исцелений и душедробительных тренировок наконец-то настало время дать себе волю и убить кого-нибудь.

Приятное облегчение.

Петляя по лесу словно пловец, гребущий против течения, Джинкс несла его в бой, издавая резкие крики, словно квин заразилась его энтузиазмом. Направляя её к краю скалы, чтобы она с неё спрыгнула, Равил сделал первый выстрел в воздухе, поразив брислбора в лицо, как только тот вышел из пещеры. Заставив квин приземлиться на упавшее дерево, он пускал стрелу за стрелой, к нему присоединились его товарищи, укладывавшие выстрелами врагов в пещере в ста метрах от них. Убийство человека стрелой приносило меньше удовольствия, зато это было просто, а Равилу нравилось, когда было просто. Простые женщины, простой заработок, простые убийства — ему не на что было жаловаться.

Он никогда раньше не тренировался в стрельбе из лука, будучи сыном проститутки, бросившей его на улице и спасшей его таким образом от жизни в содомии. Со смертью он был знаком не понаслышке, ведь ему ежедневно приходилось яростно драться за остатки гниющей еды, поэтому вступление в армию для его было простым решением. Он был слишком слаб, чтобы натянуть учебный лук, поэтому его зачислили во фронтовую пехоту, где собирались все отбросы армии, которых отправляли на смерть. Но теперь, лишь три года спустя после вступления в армию, он сидел на своём верном скакуне, выпуская стрелы в воинов Общества. Усмехнувшись себе под нос, он дёрнулся в сторону, уворачиваясь от ответных выстрелов, Общество пробилось к выходу из пещеры и образовало линию обороны со своими арбалетами. Неважно, немного работы мечом будет полезно для души.

Но у Босса были другие планы.

- Угли!

Вспыхнули факелы, и Равил извлёк стрелу с кончиком, покрытым пропитанной нефтью тканью. Он зажёг её, натянул лук и прицелился, пока крошечный керамический заряд пролетал по воздуху, разбился об воинов Общества и покрыл их прозрачной жидкостью. Равил выпустил пылающую стрелу, которая понеслась в сторону противников и поразила одного из них в грудь. Пламя вспыхнуло, превращая всё в бушующий костёр света и жара. Завывая от смеха, он смотрел, как ещё больше фарфоровых ёмкостей летит во врагов, обливая мгновенно воспламеняющейся жидкостью оставшихся воинов. Жар выжигал их лёгкие и не давал им даже завопить, пока плоть растворялась на их костях. Босс определённо выдумал забавный способ убить их. Если бы он родился уличным оборванцем в Шэнь Хо, он стал бы местным королём, жестоким, смертоносным недомерком с улыбкой, которая могла очаровать любую знатную женщину. Равил не хотел признаваться в этом даже самому себе, но он восхищался Боссом.

Перед лицом бушующего пламени у Общества не оставалось иного выхода, кроме как отступить и забиться в пещеру, ожидая смерти. Был отдан приказ о том, чтобы стрелки подошли ближе, поэтому он проехал вперёд и спешился, встав позади стоявших стеной товарищей. Похлопав Булата по плечу, он взглянул на свой колчан со стрелами и выбрал одну из особых стрел, изучая её. У неё не было наконечника, вместо него был маленький шёлковый мешочек, наполненный какими-то измельчёнными растениями. Он подумал о том, какой хаос может вызвать эта стрела. Улыбаясь в предвкушении, он поднял лук и повернулся в сторону входа в пещеру, которая теперь была лишь в семидесяти пяти метрах от него, лёгкая мишень.

Может, они устроят ещё один взрыв, потому что, чёрт возьми, за ним было приятно наблюдать.

Мин Чжун Гуань убрал свой журнал в мешочек и спокойно отдал приказ:

- Образуйте полукруг у входа и удерживайте позиции.

Он написал предсмертное стихотворение и был готов к концу. Неважно, прочитает ли его кто-нибудь, или же поместят его в усыпальницу Ордена; он написал его для себя, как способ сосредоточить свой разум и очистить свои помыслы.

- Тыловой эшелон, приготовьтесь тушить огонь, лучники, стреляйте во всех, кто входит.

Целые месяцы им удавалось незаметно пробираться и прятаться, и всё это вот-вот должно было закончиться неудачей и гибелью. Эти Бекхай были переполнены ненавистью. Почему они не бросили им вызов с мечом в руках, как настоящие воины? Вместо этого они воспользовались склянками с нефтью, чтобы одолеть их, бессмысленный трюк, которым мог воспользоваться любой простак. Разве есть в этом мастерство или уловка, грация или красота? Только враг мог с такой радостью воспользоваться своим козырем, убив более двадцати рабов своей огненной атакой. Теперь же у них есть вода за спиной, копейщики и арбалетчики, они смогут защитить вход в пещеру. Бекхай дорого заплатят, если попытаются пройти хотя бы двадцать шагов в пещере, это подходящее место для последнего рубежа.

Три стрелы проникли в пещеру через вход, пролетев над их головами и с тихим бульком приземлившись в бурлящий источник. За ними последовали новые стрелы, по нескольку зараз, и он засмеялся про себя. Вражеский командир продемонстрировал все признаки новичка: сначала не сумел бесшумно убрать часовых, зря потратил огненные заряды, а теперь ещё заставлял своих лучников вслепую палить в пещеру. Потолок пещеры был ровным, а вот пол по мере продвижения внутрь пещеры снижался, вот почему стрелы пролетали так высоко над их головами и с шипением падали в воду. Бессмысленно.

Дожидаясь, когда враг потеряет терпение, он приготовился и глубоко вздохнул, отыскивая Баланс и не обращая внимания на резкий запах в воздухе. Рабы вокруг него сделали то же самое: они были хорошо обученными и послушными, недёшево было их заполучить. Они молчали, лишь пару раз раздалось покашливание, и он одобрял их поведение перед лицом смерти. Будь на горе больше тропинок, он бы уже повёл их убивать и грабить в деревню Бекхай, уничтожая всех, кто встанет у него на пути, в качестве подарка на похороны его убитого племянника Цзюня, идеальный конец десятков лет службы.

Увы, ему пришлось изменить свои мечты о совершенстве, но, возможно, так было даже лучше. Даже после того, как он открыто отказался от Общества, он всё ещё считал себя Старейшиной Ордена Арахант, ищущего совершенства в жизни и смерти. Если он умрёт сегодня, то он сделает это в окружении тел врагов из рода тех, кто убил одного из его рода. Поэтично. С мечом в одной руке и калебасом в другой он принял нужную позу, направляя свой чи, чтобы

собрать влагу в воздухе и покрыть свой меч водной плёнкой, готовясь атаковать любого, кто войдёт внутрь.

Минуты шли одна за другой, но стрелы всё ещё продолжали пролетать сквозь вход, и не было ни единого признака того, что враг собирается идти в наступление. Неужели командир мало того, что дурак, так ещё и трус? Фыркнув, он закашлялся: в горле было сухо и першило. Рабы тоже начинали кашлять всё чаще, и едкий запах с каждой минутой становился лишь сильнее. Раб согнулся пополам, не в силах дышать от кашля, и после каждого приступа во все стороны брызгала кровь. Глаза Мина расширились от ужаса, и он повернулся к потоку, но не увидел ничего необычного, ни пузырей, ни дыма, однако быстрая проверка показала, что его телу нанесён урон, какое-то вещество разрушало мягкие ткани его глаз, горла и лёгких быстрее, чем он мог их восстановить.

Коварный яд, нужно что-то сделать, прежде чем урон станет слишком большим. Несколько рабов позади него уже упали в обморок, других рвало, остальные были так слабы, что не могли стоять. Исцеляя свои раны, он прорычал:

- Тыловой эшелон, в бой! Продолжайте наступление любой ценой! Все вместе, уничтожим врага, сражаемся насмерть!

Встав в стороне, он вылил воду из своего калебаса. Он потратил месяцы на очищение и настраивание жидкости на свой чи. Она окружила его прозрачным барьером, который должен защитить Мина от жара и большинства стрел. Ему нужно было только добраться до их рядов, чтобы начать своё возмездие.

Умирающие рабы бежали вперёд, они были слишком слабы, чтобы сражаться, и могли сгодиться только как подкормка для огня. Когда их выбежало достаточное количество, он последовал за ними, держась в толпе. Солнце слепило ему глаза, пока он протискивался мимо кричащих рабов, к счастью, эти крики милосердно быстро обрывались. Собравшись с силами, он бросился бежать мимо баррикады из убитых рабов, пламя не коснулось его, пока он отбивал стрелы. Его водяной клинок расширился, прикрывая рабов, но только для того, чтобы использовать их в качестве отвлекающего манёвра. Несколько стрел миновало его защиту и попало в барьер, но они тут же беспомощно упали на землю, зря потратив свою силу.

Через несколько секунд над ним нависло отчаяние, готовясь его поглотить, когда он оказался один; по его подбородку стекала кровь, рабы погибали от огня, а ряды врагов всё ещё были более чем в пятидесяти метрах от него. Почему они так далеко? Неужели они не подумали о том, чтобы заблокировать вход? Проклятые дураки. Собрав пять капель воды, он швырнул их во врагов, но расстояние было слишком большим, и его снаряды только ранили врагов, не убивая. Ещё один залп стрел просвистел в воздухе перед ним. Перенаправив свой барьер так, чтобы он защищал его лишь спереди, он ощутил жар пламени позади себя, разрубая стрелы. Его чи заканчивался, истощаясь с каждой секундой, пока барьер останавливал стрелу за стрелой, а он лечил свои раны.

Он сделал ещё шаг, и его тело оттолкнуло назад, когда болт с громадной силой поразил его барьер. Второй болт врезался в него, заставив потерять равновесие и сделать шаг назад. Его разум кричал, чтобы он увернулся, но третий болт прошёл сквозь его грудь и вышел из спины; все три снаряда поразили его в мгновение ока. Его тело, словно лишившись веса, взмыло в воздух, отброшенное импульсом, после чего грохнулось на землю безжизненной массой. Он лежал, ошеломлённый и дезориентированный, прислушиваясь к крикам и глядя на рабов, которые умирали пачками, пытаясь выйти из пещеры: их убивали без усилий.

Его веки отяжелели, и его поглотила тьма, пока он оплакивал свои неудачи, свою неспособность отомстить за племянника, свою смерть от рук невежественных варваров и своё бессилие, из-за которого он не смог убить всех врагов до единого. Одинокий вздох сорвался с его губ, наполненный единственной мыслью.

Далеко не совершенный конец.

http://tl.rulate.ru/book/591/150445